

СИМВОЛИКА ПЕРЕКРЕСТКА

© Ю. А. Разинов

В статье рассматривается символика перекрестка в его связи со структурой жизненного мира. В качестве эйдоса перекрестка рассматривается идеограмма креста. Выявляется парадоксальная семантика перекрестка, которая связана с инверсией пути.

Ключевые слова: перекресток, распутье, путь, крест, инверсия, парадокс, жизнь, смерть.

Разинов Юрий Анатольевич
кандидат философских наук,
доцент

доцент кафедры философии
гуманитарных факультетов
Самарский
государственный
университет

В сущности перекрестка есть нечто парадоксальное. Парадоксы организуют серии смыслов, возникающих при взаимодействии с этим странным объектом. Эти смыслы в свою очередь скрещиваются между собой, пересекаясь в точке, которая одновременно является точкой их схождения и расхождения. Как смысловое пересечение перекресток образуется не простым геометрическим наложением линий, а экзистенциально окрашенным *перечеркиванием пути*. В нем скрещиваются в противоборстве выбора: пути «дня и ночи», «жизни и смерти», «добра и зла», «святости и распутства». Как распутье, как *распятие пути* перекресток сам по себе является символом парадокса. Рассмотрение этих парадоксов и будет нашей задачей.

Известно, что древние римляне имели обычай устраивать военные лагеря и поселения на пересечении двух дорог, а в древнеиндийских градостроительных трактатах прямо утверждается, что город должен иметь две главные перекрестные улицы. На основе такой планировки возводились императорские столицы Камбоджи и Китая, считавшиеся

Ю. А. Разинов

центрами вселенной. Крестообразное сечение прямоугольного пространства, образующее четыре квартала (от лат. *quartus* – четверть) и ориентирующее его по сторонам света, являлось ведущей градостроительной идеей так называемых «священных городов». Подобную планировку имели столица ацтеков Теночтитлан и средневековый Багдад. Ее же находим в апокалиптическом описании небесного града Иерусалима (Откр. 21,10–27). Город Солнца Кампанеллы имел вид круга с вписанным крестом. А в Египте и Китае крестообразные четырехчастные иероглифы служили для обозначения города как такового¹.

Легко представить, каким значением обладал перекресток, если в его центре воздвигался храм или пирамида. Он не только формировал жизненное пространство древнего поселения, разделяя его на сектора и устанавливая таким образом клановую или сословную сепарацию. Он в то же самое время объединял (собирал) город или село в единую структуру относительно общего сакрального центра. Как модель пространства, стянутого к сердцевине или узловой точке, перекресток символизировал Мир – Мир как пульсирующую структуру сжатия и расширения, схождения и расхождения, собирания и рассеяния. Именно поэтому в предельно общем смысле перекресток может быть определен как крест – как символ ориентированной по сторонам света эманации святого. Пронизывая структуру *жизненного мира*, эманация святого ослабевает по мере удаления от сакрального центра, артикулируя тем самым тревожную опасность отдаленного горизонта. В русском языке на такое устройство жизненного мира указывает этимология слова «о-крестность», которое буквально означает пространство *около креста*.

Вместе с тем исторически так сложилось, что за перекрестками закрепилась дурная слава мест опасных и злосчастных. В древних поверьях область пересечения дорог являлась зоной предельной концентрации темных сил земли: демонов, призраков, ходячих мертвецов. Как центр эманации «нечистой силы» перекресток пугал и одновременно привлекал человека возможностью установления прямых контактов с агентами преисподней, а потому считался идеальным местом для совершения колдовских обрядов.

В греческой мифологии демоном перекрестка считалась Геката – хтоническая богиня мрака, ночных видений и чародейства. Глубокой ночью она выходила на распутье в места сосредоточения могил и устраивала дикую охоту со сворой псов в окружении мрачной свиты призраков преисподней. Это зловещее существо имело три тела и три головы, что символизировало распутье трех дорог². Поэтому на распутьях часто устанавливались храмы, жертвенники или изображения Гекаты. Демоническая персонификация перекрестка характерна и для римской мифологии, где аналогом Гекаты выступала Тривия – богиня трех дорог, где само имя богини производно от латинского *trivium* (перекресток, распутье).

¹ Голан А. Миф и символ. М. : Руслит, 1992. С. 104.

² Кун Н. А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. М. : Греко-латинский кабинет, 1992. С. 26.

В поверьях древних славян, как и в представлении многих европейских народов, перекресток одновременно служил и местом проклятья, наведения порчи или болезни, и местом исцеления, снятия сглаза или приворота³. Его «дурная» сила могла использоваться как в прямом, так и в обратном направлении. При этом силу для совершения колдовских обрядов сообщало само место. Как граница взаимодействия двух миров – живых и мертвых, как область их «трения» перекресток представлялся зоной выброса энергии, своего рода энергетической аномалией. О темной энергетике этого места красноречиво говорит русская пословица: «На перекрестках черти яйца катают, в свайку играют»⁴. Свайка – народная забава, состоящая в метании большого толстого гвоздя в лежащее на земле кольцо. В словаре русских синонимов свайка означает и гвоздь, и половой член. Метание свайки в кольцо могло символизировать половой акт, а участие в этой игре чертей – его темную хтоническую природу. Как в языческих, так и в христианских представлениях черт был носителем незаурядной детородной силы, похоти и сексуальной мощи. Поэтому послать к черту в ряде случаев могло быть фаллическим жестом. Катание чертом яйца – символа жизни и плодородия – также указывает на животворную связь человека с темной энергетикой земли.

Природа энергетической и экзистенциальной аномалии перекрестка, таким образом, вполне объяснима. Она обусловлена самим пересечением путей «жизни» и «смерти» – тем коротким замыканием, которое создает синергетический эффект. Давно известно, что близость смерти умножает волю к жизни. Нище по этому поводу точно заметил: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». То же самое можно сказать и потусторонних силах: их выход на поверхность и взаимодействие с душами и плотью людей происходит с целью возрастания самой «нечистой силы». Сила вампира слабеет, если она не питается живой кровью. Сила демона увеличивается пропорционально числу погубленных душ. «В ночные часы эльфы собираются на церковных дворах и кладбищах и пляшут на свежих могилах, с радостью и весельем встречая новую душу, пришедшую к ним из мира живущих. Усопшие поступают в круг эльфов, и потому смерть человека празднуется ими, словно свадьба или прибытие дорогого гостя, музыкой и танцами»⁵. При этом агенты преисподней отдают явное предпочтение более сильным противникам. Питаться энергией слабого (падшего) – все равно, что живому питаться мертвечиной. По этой причине в массе человеческого сора князь тьмы выделяет не пьяницу и забулдыгу, а мастера (Фауста) или святошу. За эти души он готов заплатить высокую цену, не жалея ни времени, ни сил, ни трудов.

В итоге мы получаем бинарную структуру, где живое сообщает энергию мертвому, а мертвое – живому.

³ См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М.: Современный писатель, 1995.

⁴ Русский демонологический словарь. СПб., 1995. С. 612.

⁵ Афанасьев А. Н. Указ соч. Т. 3. С. 118.

О том, что перекресток символизирует пересечение и, как следствие, инверсию путей «жизни» и «смерти», говорят некоторые факты, в частности, практика захоронения на распутьях и вдоль дорог. Такая практика характерна для многих народов мира, и ее можно было бы объяснить элементарной целесообразностью в том смысле, что путь к погосту не должен быть чрезмерно трудным и проходить по бездорожью. Однако обычаи захоронения в труднодоступных местах (на вершинах гор, в расщелинах и даже на отвесах скал, как в похоронной культуре народа Бо) опровергают такое утилитарное объяснение. Придорожные могилы, скорее, связаны с символизацией жизненного пути как дороги к смерти, где развилка – место прерывания пути. В русском фольклоре эта идея представлена в образе витязя, выбирающего на распутье свою судьбу. Существует множество версий этого выбора, но их общий знаменатель сводится к альтернативе между жизнью и смертью, благополучием и несчастьем. В былинах «Илья Муромец и разбойники» сообщается:

«На пустынном поле, усеянном мертвыми костями,
Наехал он [Илья] три дороженьки,
Три дороженьки он, три ростани.
На тех ростанях лежит там бел горюч камень.
А на камени том подпись подписана:
"На леву ехати – богатому быть,
На праву ехати – женату быть,
Как пряму ехати – живу не бывати, –
Нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному".
И раздумался старый Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович:
Да в которую дороженьку будет ехати?».

В наиболее «мрачных» и фатальных версиях сказания о распутье каждый из выбираемых путей является смертным или сулящим несчастья.

Итак, перед нами парадокс, состоящий в том, что, задавая структуру обитаемого мира, перекресток таит в себе постоянную угрозу гибели. Будучи центром мироздания и формируя окрестность мира живых, он вместе с тем является полюсом смерти (болезни, несчастья) и потому «проклятым местом». Однако в обоих смыслах перекресток является местом локализации *сакрального*, имеющим при этом два противоположных знака. Смена полюсов с «плюса» на «минус» и наоборот связана со сменой *дня и ночи*, а так же с инверсией *внутреннего и внешнего* пространства как «своего» и «чужого». Если дневной перекресток символизировал союз земли и солнца, то ночной – их разлад, следствием которого являлся временный переход мира под управление темных сил земли. Если же говорить о пространственной инверсии, то она состоит в том, что перекресток осмысливается и как место сборки путей, и как место их расхождения «на все четыре стороны». По этой причине перекресток в центре поселения и за околицей имеет противоположный смысл. Если в первом случае он артикулирует пространство окрест дома как мир оседлости, то во втором случае – пространство вне дома как мир скитания на чужбине.

Такой «кувырок» полжосов характерен не только для перекрестка, но и для многих религиозных символов. Так, согласно народным христианским представлениям, даже «святое место» – церковь в ночное время становится прибежищем сатаны. А главный символ христиан – крест одновременно является как символом земли, так и символом неба (их стяжкой), как символом воскрешения к вечной жизни, так и символом позорной смерти через распятие.

Согласно теории А. Голана, смена полярности многих религиозных знаков объясняется инверсией верховного божества, когда на смену первоначальному культу темного (земного) божества приходит культ светлого (небесного) бога. Этот переход запечатлен в мифологии как борьба двух противоположных начал и как победа сил света (добра) над силами тьмы (зла). Однако повсеместное представление о том, что эта победа не окончательна, равно как и о том, что в мире установилось «двоевластие» сил, говорит в пользу того, что древняя память продолжала приписывать божеству (как таковому) земное происхождение. То есть, у Голана речь идет не об изначальном субстанциальном дуализме темного и светлого божеств, а об инверсии сознания первоначально единого бога.

Следы этой исторической инверсии несет в себе символика креста, который в дохристианскую эпоху являлся широко распространенным языческим символом. Возникновение образа креста относится к неолиту – эпохе формирования ранних земледельческих культур. Согласно А. Голану, в этот период крест является символом бога преисподней и лишь затем, в результате крушения неолитических культур, становится солярным знаком⁶. В силу своего языческого происхождения в среде ортодоксальных христиан почитание креста поначалу вызывало протест. В качестве официальной эмблемы христианской церкви крест был узаконен только в четвертом веке⁷. О том, что крест является символом пересечения и инверсии мира живых и мира усопших, говорит доживший до наших дней обычай устанавливать его на могилах. Этот обычай гораздо древнее христианской символизации намогильного креста как знака приобщения к небесному царству. Крест являлся эмблемой Гекаты – богини загробного мира. В русских деревнях до сих пор сохранился обычай помечать знаком креста двери и окна, чтобы помешать возвращению покойника из преисподней. По свидетельствам этнографов, такой же обычай существовал у американских индейцев. Знак креста, поставленный на жилище, равно как и на могиле («доме» мертвых), выполнял одну и ту же функцию оберега – защиты пространства жизненного мира от сил тьмы, путем символического перечеркивания пути из преисподней.

Хтоническая символика креста связана также и с представлением о «четырех сторонах света». Тот же Голан находит, что сочетание круга (символа неба) и креста (символа земли) является идеограммой мира в

⁶ Голан А. Указ соч. С. 103

⁷ Там же. С. 97.

целом, а точнее, четырех областей мира⁸. Правда, он же утверждает, что перекрещенный диск изначально являлся символом земли, а понятие «весь свет» означало «всю землю». Инверсия круга, как видимой области земли, в небесный круг феноменологически легко объяснима. Она связана с восприятием горизонта как мироокружности, соединяющей землю и небо. Это единство земли и неба дано не только в качестве статической линии горизонта, но и в виде динамической траектории восхода и захода солнца. При этом восход солнца осмыслился в древних культурах как его рождение из чрева земли, а закат – как его временная смерть.

Инверсия креста из символа горизонтальной связи сторон света (север, юг, восток, запад) в символ вертикальной связи божеств и смертных (высота, широта, глубина) связана с переосмыслением природы божества и вытеснением хтонических культов в маргинальную область человеческой жизни. Пересечение *высоты* и *широты* вводит новую пространственную разрядку мироздания, что меняет и значение креста. Крест становится символом связи *дольного* и *горнего* миров. В православной традиции он дополняется еще одним пересечением, символизирующим, по мнению некоторых исследователей, идею четырехмерного пространства, в котором, помимо длины, ширины и высоты, появляется еще и глубина (шестиконечный крест)⁹.

Каким бы сложным и ажурным, косым или прямым не был знак креста, в его основе лежит простой смысл симметричного схождения-расхождения «на все четыре стороны». В. Н. Топоров в своем анализе символики креста сделал акцент именно на *расхождении* линий от сакрального центра во внешнее пространство: «Крест подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра (изнутри вовне)»¹⁰. Такое «прочтение» символа является верным, но односторонним, так как несет следы платонико-христианского учения об эманации, гораздо более позднего, чем сам крест. С учетом описанной выше парадоксальной семантики и смысловой инверсии знака, следует сказать, что крест символизирует бинарную структуру схождения-расхождения. Он парадоксальным образом соединяет (скрещивает) в себе оба смысла: и собирание видимого пространства к центру, и его рассеяние вовне. Он несет в себе как образ взаимного притяжения элементов мира (земли, неба, богов и смертных), так и образ их отталкивания (распятия). В этом смысле крест символизирует как примирение, так и раздор.

Мотив примирения отчетливо представлен в хайдеггеровской модели *мировой четверицы*. Согласно этой модели, сущность вещей не пребывает в онтологической изоляции, а сбывается в зеркальной игре мира, создава-

⁸ Там же. С. 104.

⁹ *Вьбаков Б. А. Язычество древней Руси. М. : Наука, 1988. С. 556; Николаева Т. В. Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана // Советская археология. 1968. № 1. С. 93.*

¹⁰ *Топоров В. Н. Крест // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 12.*

¹¹ *Хайдеггер М. Время и Бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 325.*

емой крестообразным скрещением (*vierung*) четырех элементов: земли, неба, божеств и смертных. Хайдеггер говорит: «Единство четверицы есть скрещение»¹¹. При этом само скрещение он понимает как взаимопроникновение и взаимопринадлежность (в смысле вверения себя друг другу) членов бинарных оппозиций: земля-небо, божества-смертные. Эти элементы стягиваются, словно обручем, в перекрещенный круг (хоровод), являющийся образом мира. «В окружении зеркально-играющего круга четверо льнут к своему единому и все же у каждого собственному существу. Так льнувшие, ладят они, ладно мира, мир»¹².

Любопытно, что Хайдеггер, не занимавшийся исследованием древней символики, сумел удивительно точно ее воспроизвести путем одного феноменологического анализа.

Мотив раздора и разбегания в разные стороны представлен в идее крестообразного распятия. Представление о перекрестке как месте противоречия и вражды характерно для многих народов. У Н. А. Афанасьева в описании эльфийских итриц есть такое замечание: «Различные партии эльфов враждуют и сражаются между собой в ночное время на перекрестках, и только дневной рассвет прекращает их борьбу; битвы эти часто вызываются спором, какой стороне должна принадлежать душа усопшего – эльфам его отца или эльфам его матери и на каком церковном дворе должно быть совершено погребение?»¹³ То обстоятельство, что в христианской традиции на распутье и вдоль дорог хоронили самоубийц, некрещеных младенцев, а также трупы бродяг, свидетельствует о том, что перекресток символизировал собой топологию отступничества, преступления, греха и последующего отлучения от общества (церкви). По этой причине в русском языке от слова «распутье» образовано слово, означающее отклонение от «правильного» пути, – «распутство». В одной русской сказке повествуется о том, как отец, отпустивший сына в странствие и потерявший его, «со великого горя зачал шибко, без просыпу пьянствовать; так с перепою и помер; поп его и хоронить не стал, а закопали его грешное тело на распутье». Общенная семантика присутствует в стихотворении А. Блока из цикла «Распутья. Стихи 1902–1904 г.», рисующего образ арлекина, неприспособленного кривляющегося на перекрестке:

«Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки».

В образе креста-распятия как орудия наказания и искупления греха присутствует пересечение и инверсия путей преступления и наказания. Не случайно, что кресты и перекрестки занимают центральное место в символике Ф. Достоевского, особенно в его «Преступлении и наказании»¹⁴. По

¹² Там же.

¹³ Афанасьев А. Н. Указ соч. Т. 3. С. 118.

¹⁴ См.: Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111.

совету Сони, Раскольников, совершая инверсию преступного пути, выходит каяться на перекресток. Как отмечает И. Гарсия-Сала, «в этом выборе важен тот факт, что форма распутья напоминает крест. На этом кресте, нося крестик убитой Лизаветы Ивановны, Раскольников должен кричать, что он убийца»¹⁵.

Подведем некоторые итоги.

Парадоксальная семантика перекрестка и его идеограммы – креста (который можно было бы назвать еще и «эйдосом» перекрестка) указывает на то, что в них мы имеем дело с символизацией мучительной дилеммы и опасной инверсии путей. Первобытный мистический страх перед демонами перекрестка, как и героический выбор судьбы на распутье в разной мере отражают отношение традиционного общества к поворотным точкам в истории и судьбе. Перекрестки пугают, так как несут в себе возможность нового, а новое представляет угрозу оседлому миру. Вместе с тем они манят и притягивают к себе именно этой возможностью обновления. На перекрестке скрещиваются авантюризм странствующего блуждания и праведность покаянного возвращения домой. Следуя закону инверсии, перекресток разворачивает пространство вовне, всякий раз стягивая его к центру. Он отталкивает нас и притягивает снова, заставляя возвращаться к месту, где завязываются новые сюжеты поворота судьбы.

Symbols crossroads

Y. Razinov

The article deals with symbolism crossroads in its relationship with the structure of the living world. As eidos intersection is considered ideogram cross. Reveals the paradoxical intersection semantics, which is associated with the inversion of life paths.

Keywords: intersection, crossroad, path, cross, inversion, paradox, life, death.

¹⁵ Гарсия-Сала И. Распутье и Иуда // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова : сб. науч. ст. к 60-летию А. М. Буланова. Волгоград : Панорама, 2005. С. 226.